Ряжапов Н.Х. – канд. фил. наук
E-mail: ryazhapov@bk.ru
Васильев С. В.
E-mail: sergejvasilev515@gmail.com

Эмоциональное заражение как метод информационно-психического воздействия в рамках боевых действий (анализ опыта советской военной психологии)

Эмоциональное (психическое) заражение представляет собой один из древнейших способов дезинтеграции групповой деятельности. Его истоки уходят в глубины человеческой истории, а проявления бесконечно многообразны — от ритуальных танцев первобытных общин до массовых психозов, охватывающие большие социальные группы [7].

В самом общем виде заражение определяется как бессознательная, невольная подверженность индивида определённым психическим состояниям. Оно проявляется не через осознанное принятие информации или образцов поведения, а через передачу определённого эмоционального состояния, или «психического настроя» [9]. Механизм заражения сводится к эффекту многократного взаимного усиления эмоциональных воздействий, общающихся между собой людей. При этом сила нарастания эмоционального накала находится в прямой пропорциональной зависимости от величины аудитории и степени эмоционального накала индуктора [7].

Отличие заражения от других социально-психологических механизмов принципиально. В отличие от подражания, которое предполагает осознанное принятие внешних образцов поведения, заражение осуществляется через передачу психического настроя, обладающего большим эмоциональным возгоранием [7]. В отличие от внушения — целенаправленного, неаргументированного воздействия одного человека на другого или группу, основанного на некритическом восприятии информации, — заражение выступает как спонтанно проявляющийся внутренний механизм, не предполагающий организованного преднамеренного давления [9].

И.П. Павлов, исследуя физиологию высшей нервной деятельности, показал, что эмоции голода, страха, ярости и других состояний связаны с врождёнными безусловными рефлексами. Проявлением эмоции является сложный комплекс физиологических сдвигов, обусловленных возникновением какой-либо потребности живого организма. В трудах Павлова указывается на два неразрывно связанных с мозговыми механизмами эмоций фактора: присущие организму потребности и влечения, отождествлявшиеся им с безусловными рефлексами [3].

А.А. Ухтомский, создавая учение о доминанте, описал механизм, объясняющий инертность эмоциональных состояний и их способность подчинять себе другие психические процессы. Доминанта — это временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе. Ухтомский называл это свойство гистерезисом — чем дольше существует доминанта и чем чаще она подкреплялась, тем труднее её «погасить». Именно доминанта, по мысли Ухтомского, «держит в своей власти всё поле душевной жизни человека» [2]. Это учение имеет прямое отношение к пониманию эмоционального заражения: сформированная доминанта страха или паники в одном подразделении способна распространяться на соседние, поддерживая себя в условиях боевой обстановки.

В.М. Бехтерев ввёл в научный оборот понятия «психической заразы» и «психического контагия» («contagium psychicum»), уподобляя распространение психических состояний в массе людей распространению инфекции [1]. Бехтерев полагал, что распространение

психических массовых истерий осуществляется мыслью, вызывающей внушение; эта инфекция передаётся другим людям, и все люди оказываются внушёнными чем-то [8].

Великая Отечественная война явилась мощным катализатором развития военной психологии в СССР. Перед психологами была поставлена задача максимально содействовать государству в общей борьбе с противником. Значительное внимание уделялось психологическим проблемам, связанным с наблюдением и разведкой, обучением техническим военным специальностям, ведением информационно-психологического воздействия как на военнослужащих, так и на гражданское население воюющих стран [11].

В боевых условиях воинский коллектив становится особенно уязвимым для эмоционального заражения. Это обусловлено рядом факторов: высокой степенью сплочённости и взаимозависимости военнослужащих, дефицитом информации о боевой обстановке, состоянием хронического стресса и физического истощения, эффектом многократного взаимного усиления эмоций, возникающим в замкнутых воинских группах [7]. Индивид здесь не испытывает организованного преднамеренного давления, но бессознательно усваивает образцы поведения окружающих [9].

Наиболее ярким проявлением эмоционального заражения в боевых условиях является паника. Паника — это психическая эпидемия, которая может создаться в любом собрании людей, в том числе в воинском подразделении. Паника происходит из внушённой мысли опасности. Эта идея может быть привитой извне или происходить от собственной мысли [8]. Паническое состояние характеризуется тем, что действует механизм многократного взаимного усиления эмоциональных воздействий, а возникает оно вследствие либо дефицита информации о какой-либо пугающей или непонятной новости, либо избытка этой информации.

Советская военная наука и практика накопили значительный опыт целенаправленного использования эмоционального заражения как оружия психологической войны (спецпропаганды). Воюющие стороны издавна проводили операции по дезинформированию в виде провокационных листовок, баннеров, плакатов, писем, тем самым навязывая свои интересы и цели.

В годы Великой Отечественной войны советские органы спецпропаганды распространили свыше 20 тысяч наименований различных видов информационно-пропагандистских печатных материалов на 20 иностранных языках общим тиражом 2 миллиарда 706 миллионов экземпляров. Также использовались мощные громкоговорящие установки, способные усиливать звук на расстояние до 3 км, окопные громкоговорящие установки, рупоры. Всего за время войны было проведено более 1 миллиона устных передач для войск противника.

Слухи и сплетни являются специфическим механизмом формирования психологии масс. В зависимости от преследуемых целей органы психологической войны распространяют дезинформацию различных типов. Особую роль играют слухи-желания, которые призваны вызвать разочарование по поводу несбывшихся ожиданий и деморализовать объект воздействия. Клеветнические слухи, преднамеренно распространявшиеся классовым врагом, выражали страх и агрессивность по отношению к руководителям, надежды на «скорый крах».

В рамках информационно-психического воздействия в боевых действиях противоборствующие стороны целенаправленно заражают определённые типы эмоциональных состояний. Анализ советских источников позволяет выделить следующие основные виды эмоций, используемых в качестве орудия психологической войны:

1. Страх и паника — наиболее эффективные с точки зрения дезорганизации войск эмоции. Как отмечал Бехтерев, внушённая мысль опасности способна вызвать психическую эпидемию, охватывающую целые подразделения [8].

2. Отчаяние и депрессия — эмоции, вызываемые распространением информации о безнадёжности сопротивления, неизбежности поражения, тяжёлых потерях на других участках фронта. Слухи-желания, рассчитанные на разочарование, — классический пример такого воздействия.

3. Агрессия — может быть направлена как вовне (на командиров, сослуживцев, на политическое руководство), так и внутрь (аутоагрессия). Психологическое давление на войска разрушает дисциплину в подразделениях, провоцирует взаимное недоверие между людьми.

4. Эйфория и ложный оптимизм — используются для снижения бдительности, ослабления оборонительных усилий и создания у противника иллюзии лёгкой победы, что может привести к тактическим просчётам и неоправданным потерям.

Советская военная психология разработала целый комплекс методов защиты от эмоционального заражения. Эти методы можно классифицировать по нескольким направлениям:

1. Психогигиенические меры включают поддержание психологической устойчивости личного состава через систему морально-психологической подготовки. Важную роль играет воспитание коллективизма и взаимовыручки, что создаёт «иммунитет» к деструктивным психическим влияниям.

2. Идеологическая закалка рассматривалась как важнейший фактор невосприимчивости к враждебной пропаганде. Формирование высокого уровня политической сознательности и патриотизма снижает внушаемость военнослужащих и повышает критичность восприятия информации.

3. Блокировка каналов заражения включает технические и организационные меры: контроль источников информации (изъятие вражеских листовок, глушение враждебных радиопередач), оперативное доведение достоверных сведений об обстановке (ликвидация информационного дефицита, который является питательной средой для слухов), активное распространение контрпропагандистских материалов.

4. Методы доминантного переключения, основанные на учении А.А. Ухтомского, предполагают целенаправленное формирование у военнослужащих новых доминант, несовместимых с состоянием страха или паники. Ухтомский и его коллеги применили дифференциальные принципы возбуждения доминанты с целью отвлечения от реакций на боль и исключения доминирования негативных ассоциаций [2]. Подобные принципы применимы и для преодоления панических состояний в войсках.

Опыт Великой Отечественной войны даёт многочисленные примеры как использования эмоционального заражения противником, так и успешного противодействия ему.

В начале войны в советском обществе наблюдались тревога, растерянность, смятение, паника, которые актуализировались в слухах и социальных волнениях. В качестве причин исследователи называют состояние неуверенности и неопределённости, недостаток объективной информации и дезинформацию [6]. За распространение панических слухов во время войны дезинформаторов приводили к высшей мере наказания как на передовой, так и в тылу — мера, свидетельствующая об осознании руководством страны разрушительной силы эмоционального заражения.

В то же время советские службы психологической войны эффективно использовали обратный отпуск военнопленных. Если в январе 1943 года из состава 96-й дивизии в район

окружения под Сталинградом было заслано 34 пленных, из которых смогли вернуться только пятеро, приведя с собой 312 военнослужащих противника. В мае 1945 года все 54 засланных военнопленных вернулись из окружённого гарнизона Бреслау, приведя с собой около 1500 солдат и офицеров противника. Командование 2-го Белорусского фронта в 1945 году издало приказ, разрешавший офицерам не дожидаться разрешения вышестоящего командования для засылки военнопленных в тыл противника с задачей агитации за сдачу в плен.

В годы Афганской войны (1979–1989) советские войска для психологического воздействия на население и вооружённую оппозицию использовали распространение листовок, средства оповещения и радиовещание [4].

В советской военно-психологической литературе вопрос об этических ограничениях психологического воздействия поднимался не столько в контексте правовых запретов, сколько в контексте морально-политической оценки. Психологическое оружие рассматривалось как допустимое средство ведения войны, однако его применение должно было соответствовать целям и принципам социалистического государства.

Советские военные психологи осознавали, что эффективность психологического воздействия прямо пропорциональна степени эмоционального накала и величине аудитории [7]. Это понимание налагало ответственность на разработчиков и исполнителей психологических операций: чрезмерное или непрофессиональное использование механизмов эмоционального заражения могло привести к непредсказуемым последствиям, включая массовые психозы с обеих сторон конфликта.

Следует отметить, что в советской военной доктрине вопросы психологической защиты войск и гражданского населения разрабатывались более активно, чем вопросы ограничения использования психологического оружия против противника.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

Эмоциональное заражение представляет собой мощный и эффективный метод информационно-психического воздействия в боевых действиях. Его основу составляет способность эмоционального состояния бессознательно и невольно передаваться от индивида к индивиду через механизм многократного взаимного усиления.

Советская психофизиологическая школа (И.П. Павлов, А.А. Ухтомский, В.М. Бехтерев) заложила фундаментальные основы понимания механизмов эмоционального заражения, включая учение о доминанте, рефлекторной природе эмоций и понятие «психической заразы».

В боевых условиях наиболее опасными проявлениями эмоционального заражения являются паника и распространение деморализующих слухов, способных в короткие сроки подорвать боеспособность целых подразделений.

Опыт советской военной психологии (особенно в годы Великой Отечественной войны и в Афганской войне) демонстрирует как эффективное использование эмоционального заражения против войск противника (через листовки, звуковещание, слухи, обратный отпуск военнопленных), так и разработку системы противодействия (психогигиенические меры, идеологическая закалка, блокировка каналов заражения, доминантное переключение).

Практическая значимость исследования заключается в необходимости дальнейшей разработки методов психологической защиты личного состава от эмоционального заражения в современных вооружённых конфликтах, где информационно-психологическое противоборство приобретает всё более интенсивный характер.

Список литературы:

1. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни / В. М. Бехтерев. — Санкт-Петербург: Издание К. Л. Риккера, 1903. — 144 с.

2. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. — Москва; Ленинград: Наука, 1966. — 448 с.

3. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных / И. П. Павлов. — Москва: Наука, 1973. — 512 с.

4. Теплов Б. М. Ум полководца / Б. М. Теплов. — Москва: Воениздат, 1943. — 88 с.

5. Лурия А. Р. Травматическая афазия / А. Р. Лурия. — Москва: Изд-во АМН СССР, 1947. — 196 с.

6. Михайловский Н. К. Герои и толпа / Н. К. Михайловский // Михайловский, Н. К. Полное собрание сочинений. — Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. — Т. 7. — С. 185–274.

7. Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука / Б. Д. Парыгин. — Ленинград: Лениздат, 1967. — 204 с.

8. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов / Ю. А. Шерковин. — Москва: Мысль, 1973. — 208 с.

9. Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения / А. П. П. Назаретян. — Москва: Пер Сэ, 2000. — 368 с.

10. Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – Москва: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 416 с.

11. Хэтфилд, Э. Эмоциональное заражение / Э. Хэтфилд, Дж. Качиоппо, Р. Рапсон // Психология эмоций: хрестоматия / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – Москва: ЧеРо, 2004. – С. 295–308.

12. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман ; пер. с англ. А. П. Исаевой. – Москва: АСТ, 2022. – 480 с.

13. Каракоян А. Г. Психологические операции в вооруженных конфликтах / А. Г. Каракоян, И. В. Сыромятников. – Москва: Кучково поле, 2004. – 416 с.